

Ж.В. Кравченко

МУЖЧИНЫ В ЗАБОТЕ О ДЕТЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, ФРАНЦИИ И НОРВЕГИИ

Социологические исследования заботы о детях в повседневных практиках мужчин немногочисленны по сравнению с исследованиями женских практик воспитания и ухода за детьми. На основе данных исследования «Поколение и гендер» в статье рассматриваются сходства и различия участия работающих отцов в воспитании детей в Норвегии, России и Франции. Автор рассматривает сходства и различия между странами в охвате и интенсивности отцовской заботы о детях. Особое внимание уделено анализу влияния индивидуальных характеристик респондентов на вероятность участия в заботе. Колебания в силе и характере взаимосвязи между вероятностью участия в заботе, с одной стороны, и социально-экономическим статусом, условиями труда и нормативными установками, с другой, продемонстрировали, что мужчины не являются собой монолитной группы, чья деятельность в семейной сфере не связана с воспитанием детей.

***Ключевые слова:** гендерные практики заботы, повседневная забота о детях, работающие родители, отцовство.*

***Keywords:** gendered care practices, everyday care, working parents, fatherhood.*

1. Введение

Гендерная проблематика воспитания и ухода за детьми в современной российской социологической литературе нередко сводится к вопросам материального обеспечения нужд детей и семьи в целом, особенно после распада отношений между родителями (см., напр., Воронцова 2000; Прокофьева, Валетас 2000). Между тем модели распределения обязанностей по решению бытовых задач по уходу за детьми и обязанностей кормильца определяют как образцы поведения мужчин и женщин на рынке труда и потребления, так и стили родительства.

В современном обществе традиционное выделение публичной деятельности (в том числе, занятости) в качестве сферы реализации мужчин и повседневной заботы о частной жизни (в том числе, воспитания детей) в качестве сферы реализации женщин противоречит получившей широкое распространение практике участия последних на рынке труда. Наряду с такими явлениями, как неравная оплата и гендерная сегрегация рынка труда, структурные препятствия в карьерном росте и условия, его ускоряющие, отсутствие оплачиваемого отпуска по уходу за детьми и услуг дошкольного воспитания, воспроизводство гендерного неравенства в общественной и частной сферах проявляется в отказе мужчинам в участии в повседневной заботе о детях. Проявляющийся как на уровне реализации государственной политики, так и на уровне семейных практик, такой подход не только взваливает на женщин двойное бремя труда и заботы, но и лишает мужчин важной сферы самореализации. Переосмысление роли мужчин в семье, значения их вклада в благополучие детей, превышающее материальные нужды, является одной из актуальных задач исследований социологии семьи.

Эта статья посвящена проблеме участия отцов в повседневных практиках воспитания и заботы о детях. На основе данных международного исследования «Поколение и гендер» мы рассматриваем факторы, которые определяют вовлеченность мужчин в повседневные практики заботы о детях на примере трех стран: России, Франции и Норвегии. Текст организован следующим образом: сначала предлагается теоретическая проблематизация понятия заботы в рамках изменений гендерного уклада и семейных отношений в развитых странах. Далее следует представление данных исследования, используемых при анализе, описание методов и основных результатов. В заключении рассматриваются результаты анализа в контексте имеющихся исследований участия мужчин в заботе о детях.

2. Забота в категориальном аппарате социологии: гендерный аспект

Современная социологическая теория уделяет большое внимание трансформации семьи в контексте общей модернизации общественных отношений (Beck, Beck-Gernsheim 2001). При этом одним из главных изменений в организации семейного уклада является переход к модели семьи с двумя кормильцами, и, как следствие, изменение не только экономических практик, но и перестройка условий взаимоотношений между полами и поколениями, возможностей для осуществления заботы и социализации (Lewis 2003; Daly 2005). Ключевым моментом в трансформации стиля жизни и отношений между индивидами, составляющими семью/домохозяйство, является изменение властного баланса, переориентация — пока в большей степени на уровне нормативных

установок, чем практик, — с модели отношений, основанной на авторитете главы семьи (мужчины), в пользу модели, основанной на согласовании интересов членов семьи (Du Bois-Reymond 1998). Кроме того, отмечается разделение брачных/партнерских отношений и отношений между родителями и детьми не просто в различные, а зачастую и в не связанные между собой виды практик (Daly 2005).

Внимание исследователей к практикам родительства во многом определяется тем, что именно появление детей у (гетеросексуальных) пар, как правило, приводит к установлению традиционного разделения труда (Фох 2009). Различные ожидания по отношению к мужчинам и женщинам в связи с потенциальной возможностью рождения ребенка и/или фактическим его появлением оказываются отправным пунктом воспроизводства гендерного неравенства (Фох 2001). Не случайно, например, неолиберальные идеологии, ориентированные на реализацию традиционных норм и ценностей, культивируют идеализацию материнства, тем самым жестко разграничивая родительские роли семейных партнеров (Градскова 1997). Вместе с тем в результате стабильно растущей экономической активности женщин возникает необходимость находить альтернативные способы организации ухода за зависимыми членами семьи (развитие системы ухода за пожилыми, коммунальные услуги по воспитанию детей и т. д.).

Забота как одна из форм (не)оплачиваемого труда включает в себя приложение усилий физического, интеллектуального, эмоционального характера с целью удовлетворения потребностей других людей, посвящение своей деятельности их благополучию, воспитанию и/или выздоровлению (см.: Davis 1995). Применение понятия заботы как аналитического инструмента в социологии, исследованиях социальной политики и гендерных исследованиях имеет непродолжительную историю. Забота относится к ряду понятий, носящих ярко выраженный гендерный характер, и понимается в первую очередь как женская повседневная практика, реализуемая в рамках семейных отношений (Graham 1983; 1991; Thomas 1993). В англоязычной литературе понятие заботы иногда носит достаточно узкий характер и определяется как физический уход при особых обстоятельствах, например, болезни. Такое ограничение приводит к выделению заботы (caregiving) в отдельный вид деятельности, наряду с такими составляющими родительства, как общение, обучение, эмоциональная поддержка и т. д. (Palkovitz 1997). Кроме того, забота реализуется как деятельность вне семьи, предоставляемая в качестве рыночной услуги или оказываемая религиозными или общественными организациями на безвозмездной основе.

Подход, учитывающий разносторонний характер феномена заботы, позволяет анализировать самые разные социальные феномены, связывая воедино явления микро- и макроуровней, формальные и не-

формальные аспекты социальной организации в целом. Особое теоретическое толкование и широкое эмпирическое использование понятие заботы получило в феминистском анализе механизмов зависимости женщин и эксплуатации внутри и вне семьи. Как указывала Хартман, разделение труда мужчин и женщин на оплачиваемый (на производстве) и неоплачиваемый (в семейной сфере) лежит в основе формирования структуры и развития неравенства в любом обществе (Hartman 1976). На протяжении более полувека феминистическая теория и практика направляла свои усилия на проблематизацию процесса конструирования социального пола и его последствий как в повседневных индивидуальных практиках, так и на уровне общественных отношений в целом. Преодоление неравенства, связанного с ограничением или облегчением доступа к экономическим, социальным, культурным ресурсам в зависимости от принадлежности к биологическому полу требует анализа прав и возможностей как привилегированных, так и ущемленных групп. Иерархически организованные взаимоотношения полов в общественном производстве, а также роль женского труда в приватной сфере получили глубокий и всесторонний анализ, по сравнению с которым анализ вклада *мужчин* в семейной сфере почти незначителен.

Отношение между двумя категориями труда, их роль в процессе воспроизводства социально-экономической и гендерной организации получили особое значение в рамках теории государства благосостояния. В первую очередь, это связано с тем, что вариации в степени вовлеченности мужчин в практики заботы часто связывают с мерами социальной политики, в частности, с возможностями создания материальной заинтересованности. В начале 1990-х гг. в теории социальной политики появился подход, который продемонстрировал необходимость учитывать гендерную проблематику в (пере)распределении ресурсов. Значительное количество публикаций по данной теме особенно подчеркивали роль женской занятости в оплачиваемом и неоплачиваемом труде и его влияние на складывание социальных прав (см. напр. Lewis 1992; Hobson 1990; Orloff 1993; Sainsbury 1994; 1996). Многочисленные исследования продемонстрировали роль социальной политики в формировании гендерных отношений до вступления в трудовые отношения, во время периода экономической активности и после ухода с рынка труда. Устойчивые различия между разными странами в том, как организуется забота в рамках социальной политики и какие существуют возможности для сочетания профессиональной карьеры женщин с их семейными обязанностями, стимулируют дальнейшие исследования в этой сфере, в том числе и сравнительные.

С феминистской точки зрения, различия в организации социальной политики разных стран основаны на том, какие социальные права

предоставлены мужчинам и женщинам, выступающим в роли наемных работников и осуществляющим заботу о близких. Наиболее ярким примером такого подхода к анализу различий в политике и практике разных стран является типологизация Р. Кромптон (Crompton 1999). Автор предложила концепцию, в которой различия между идеальными типами раскрываются сразу в нескольких направлениях: с одной стороны, оплачиваемый наемный труд противопоставляется неоплачиваемой заботе, с другой, практики мужчин противопоставляются практикам женщин, и наконец, различия делаются в зависимости от того, на каком уровне предоставляются услуги по заботе на уровне общественных институтов — рынок, государство или семья. Кромптон представила следующие модели: «мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка», «два кормильца, женщина осуществляет домашний уход», «два кормильца, государство обеспечивает уход», «два кормильца, уход обеспечивается за счет рыночных механизмов», и «два кормильца, осуществляют уход на равных».

В последние годы появились различные вариации таких типологий, основанных на выделении наемного труда и заботы как главных категорий анализа (напр., Pfau-Effinger 2005; 2007). Необходимо отметить, однако, что развернутая феминистская критика, предложенная в процессе разработки подхода, альтернативного классической теории благосостояния, имела тот же недостаток, что и объект ее критического анализа. Подход, раскрывающий значение роли и статуса женщин в сфере общественного производства и в семейной жизни, зачастую ограничивался рассмотрением вовлечения мужчин в осуществление заботы скорее в качестве некоего желаемого идеала, нежели повседневной практики. Можно предположить, что такое представление является следствием значительной разницы между полами в степени их участия в (вос)производстве заботы как в общественной, так и в частной сферах. Однако это ограничение представляет мужчин как монолитную группу, чей опыт в осуществлении заботы не зависит от социально-экономических условий, социального капитала, ценностных ориентаций. Кроме того, роль мужчин по отношению к зависимым членам семьи значительно сужается.

Академический дискурс и практика реализации социальной политики фактически сводят роль мужчин в рамках их отношений с детьми к проблемам отцовства, предоставления отпуска по уходу за ребенком (в раннем возрасте) и правам на общение с детьми после разрыва отношений/развода. Как отмечает Херн (Hearn 2002), обсуждение этих вопросов возможно и без учета опыта отцов как мужчин, а также их принадлежности к разным социальным группам. Парадигма критических исследований мужчин (*critical studies of men*) гласит: «Гендер имеет значение (в процессе создания условий) для благополучия детей» (Hearn,

Pringle 2006: 365). В связи с тем, что гендерные исследования фокусировались, в первую очередь, вокруг женщин, на доступном им ролевом репертуаре в общественной и приватной сферах, роль мужчин освещалась недостаточно (Men, gender divisions... 1998). Рост исследований маскулинности за последние 20 лет имел целью преодолеть ограниченность феминистических теорий, включив мужчин в поле социологической проблематизации гендера. Главным результатом этого направления исследований стала демонстрация того факта, что интересы мужчин неоднородны и не противостоят женским. Более того, тематика проблем, рассматриваемых с точки зрения реализации маскулинности, существенно расширилась и охватывает социальные сферы, ранее приписываемые женскому социальному полу. В число таких тем входит и забота о детях.

Отказ от традиционного подхода к мужскому участию в заботе как вспомогательной форме труда, в большей степени определяемый внешними обстоятельствами (такими, как занятость), позволит разработать более нюансированный подход к ее анализу (Craig 2006; Marsiglio et al. 2000). Отцовская забота как социальная практика включает в себя разные виды деятельности и может анализироваться с точки зрения форм и степени взаимодействия, затрачиваемого времени, вложенных материальных ресурсов, а также степени удовлетворенности сторон качеством взаимоотношений (Amato 1998; Daly 1996; Sayer et al. 2004; Day, Lamb 2004; Marsiglio 1991). Целью данного исследования является анализ сходств и различий в степени и интенсивности участия мужчин-отцов в повседневном уходе за детьми, а также влияния индивидуальных характеристик на вероятность присутствия таких практик в домохозяйстве.

3. Материалы и метод

В статье использованы данные международного исследования «Поколение и гендер» (Generation and Gender Survey), первая волна которого была проведена в России в 2004 г., во Франции в 2005 г. и в Норвегии в 2007–2008 гг.* Основные блоки исследования включают в себя вопросы о составе домохозяйств респондентов, их занятости и материальном благополучии, истории партнерских отношений и ценностных ориента-

* Данные предоставлены Отделом населения Европейской экономической комиссии ООН (UNECE). Российская часть исследования получила название «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», норвежская — «Studien av livsløp, generasjon og kjønn», французская — «Etude sur les Relations Familiales et Intergénérationnelles» (подробную информацию о методологии исследования, а также некоторых его результатах можно найти в: (Родители и дети...» 2007; 2009; Breton, Prioux, 2009; Brunborg et al. 2007)).

циях (см. Spielauer 2006; Vikat et al. 2007). Целью анализа является выявление индивидуальных характеристик респондентов, определяющих вероятность их участия в *повседневной* практике заботы о детях на примере перечисленных трех стран. Анализ данных был проведен в три этапа: описательный анализ основных социально-демографических переменных выборки (табл. 1) и распределения респондентов по видам и степени их участия в заботе о детях (табл. 3), а также анализ зависимости вовлеченности отцов в заботу о детях от факторов, связанных с их социально-экономическим статусом и нормативными установками (табл. 4).

На предварительном этапе ряд переменных потребовали дополнительных преобразований. Несмотря на то, что понятие повседневности достаточно расплывчато и нелегко поддается операционализации (см. Kelly 2002; Shevchenko 2009), внимание к рутинным практикам позволяет отвлечься от общепринятых обобщений и предписываемых ожиданий, тем самым обнаружив сходства и различия в опыте индивидов, которые прежде оставались без внимания.

Опросник GGP содержал в себе указания на шесть видов деятельности, которые родители, вне зависимости от пола, обычно осуществляют в отношении детей обоих полов. В анкете на русском языке вопросы были сформулированы следующим образом: «Кто в вашем домохозяйстве: Одевает детей и следит, все ли в порядке с их одеждой? Укладывает детей спать или контролирует, чтобы они пошли спать? Сидит дома с заболевшими детьми? Играет с детьми или участвует в их досуге, развлечениях? Помогает детям делать уроки? Отводит детей в школу, детский сад, к няне или в различные кружки и забирает их оттуда?». Данный перечень не охватывает всех практик родительства, тем не менее, он дает достаточное представление о разностороннем его характере. Ответы на эти вопросы стали основой для формирования *зависимой переменной* для последующего анализа. Респонденты могли выбрать между следующими вариантами ответов: «всегда респондент (Р)», «обычно респондент (Р)», «в равной мере респондент и партнер (РиП)», «всегда партнер», «обычно партнер», «всегда/обычно другой член домохозяйства», «не член домохозяйства», «дети сами». Три первых варианта получили значение «3», «2» и «1» соответственно, все остальные получили значение «0». В последующем, для проведения логистической регрессии, переменная была трансформирована в дихотомичную — все значения больше 0 получили значение «1».

Опросник исследования содержал в себе информацию обо всех членах домохозяйства, которая была использована для создания ряда *независимых* переменных. Во-первых, данные о присутствии детей в домохозяйстве были выделены в отдельную переменную и перекодированы таким образом, чтобы включать только детей респондента и/или его

партнера, исключая детей других членов домохозяйств. Впоследствии для проведения логистической регрессии переменная была преобразована в дискретную со значениями «один ребенок», «двое детей», «трое и больше детей». Ответы, соответствовавшие присутствию/отсутствию в домохозяйстве родителей респондента или его партнера, были выделены в дихотомическую переменную со значениями «1» и «0» соответственно. Аналогичным образом была создана переменная, указывающая на проживание респондента с партнером или на его отсутствие. Возраст был выделен в дискретную переменную на основе 8 возрастных групп с интервалом в пять лет, самые молодые были объединены в группу «моложе 20 лет», самые старшие — в группу «50 и старше». Переменная, указывающая на характер занятости респондентов, основывалась на степени их вовлеченности в трудовые отношения: «не вступили в трудовые отношения», «выполняют неоплачиваемый труд в семейной сфере», «пенсионеры», «временно без работы» и «занятые». Информация о размерах доходов респондентов была объединена в одну переменную, стандартизованную посредством выделения 10 процентных групп, далее объединенных в три условные категории: «низкий доход», «средний доход» и «высокий доход». Кроме того дихотомические переменные были использованы для описания типа поселения («1» — городское, «0» — сельское), продолжительности рабочего дня («1» — полный, «0» — неполный) и гибкости рабочих условий* («1» — гибкие, «0» — негибкие) (табл. 1).

Поскольку фокус данной статьи ограничен мужскими практиками заботы в контексте занятости обоих партнеров в оплачиваемом труде, мужчины, проживающие без партнеров, незанятые и не имеющие детей, были исключены из последующего анализа различий в степени вовлеченности и факторов, ее определяющих. В заключение был проведен факторный анализ переменных, измеряющих ценностные установки (метод извлечения — главные компоненты, метод вращения — Варимакс с нормализацией Кайзера), с последующим анализом надежности шкалирования (табл. 2). Выделенные шкалы получили названия «Родительские установки» (РУ) и «Гендерные установки» (ГУ) и продемонстрировали достаточный уровень внутренней согласованности. С целью использования шкал в регрессионном анализе значения показателей были стандартизованы.

* В русском опроснике последний вопрос звучал следующим образом: «Разрешают ли Вам на работе гибко организовывать свое рабочее время с учетом Ваших семейных обстоятельств, например, чтобы Вы могли согласовать Ваш график работы с расписанием своих детей?»

**Распределение выборки по основным
социодемографическим показателям (% , мужчины)**

	Норвегия	Россия	Франция
Проживают в городе/поселке городского типа	81,6	68,5	71,3
Возраст			
моложе 20	5,0	6,7	6,0
21–25	8,6	11,4	8,0
26–30	7,3	9,9	8,4
31–35	9,6	9,3	10,4
36–40	11,1	11,2	10,4
41–45	10,5	8,6	9,6
46–50	9,7	11,1	8,1
старше 50	38,3	31,8	39,1
Проживают с партнером	84,5	77,0	82,0
Количество детей			
0	48,1	45,4	53,9
1	17,7	31,5	20,7
2	21,8	18,8	17,4
3 и более	12,3	4,3	8,0
Проживают с родителями	10,8	29,5	15,0
Уровень образования			
ниже среднего	28,1	15,1	30,2
среднее/профессиональное	47,7	52,3	46,2
высшее	24,2	32,5	23,6
Экономическая активность			
не вступили в трудовые отношения	7,4	6,0	5,4
неоплачиваемый труд в семейной сфере	0,1	2,3	1,0
пенсионеры	14,3	20,0	25,5
временно без работы	1,8	8,9	8,5
заняты	76,4	62,8	59,6
Доходы низкие	32,3	29,0	35,6
средние	40,6	40,5	36,2
высокие	27,1	30,5	28,2
Гибкие рабочие условия	68,3	30,4	53,3
Полный рабочий день	94,3	94,8	93,3
N	4223	7340	4371

Результаты факторного анализа и анализа надежности шкалирования

	Франция			Норвегия			Россия		
	значение фактора	среднее значение	среднее значение	значение фактора	среднее значение	среднее значение	значение фактора	среднее значение	среднее значение
Родительские установки (а)	0,96	–	0,7	0,96	–	–0,7	0,94	–	0,9
Родительские установки (б)	0,96	–	0,8	0,96	–	–0,7	0,94	–	1,01
Гендерные установки (а)	–	0,73	–1,1	–	0,83	–0,9	–	0,73	–0,1
Гендерные установки (б)	–	0,72	–0,3	–	0,80	–0,3	–	0,69	0,5
Гендерные установки (в)	–	0,69	–0,8	–	0,76	–0,8	–	0,65	0,6
Альфа Кронбаха	0,9	0,5	–	0,9	0,7	–	0,9	0,5	–

В анализе использованы ответы на следующие вопросы:

РУ (а) Для полной самореализации у мужчины должны быть дети

РУ (б) Для полной самореализации у женщины должны быть дети

4. Результаты**4.1. Охват и интенсивность заботы**

Сначала обратимся к показателям, описывающим степень вовлеченности мужчин/отцов в заботу о детях. В табл. 3 представлена доля респондентов, в той или иной мере участвующих в осуществлении перечисленных видов заботы. Наиболее существенные различия наблюдаются между группами респондентов, заявивших об участии в заботе о детях на равных со своими партнерами. Именно на этой категории ответов мы остановимся более подробно. Тем не менее, для оценки степени интенсивности участия требуется анализ всех трех вариантов ответа. При анализе категории ответов «в равной степени РИП» складывается впечатление, что наименьшая степень участия мужчин наблюдается в России и наибольшая в Норвегии. Единственным исключением является сопровождение детей в школу/детский сад и/или домой, где доля французских мужчин (38,5 %) превосходит долю российских (22,2 %) и норвежских (37,2 %). Наименьшие различия выявлены в оказании детям помощи в выполнении домашнего задания: в России и Франции в этом участвуют около одной четверти респондентов (23,7 % и 26,6 % соответственно), в то время как в Норвегии их доля составляет 39,5 %.

Примечательно также, что проведение досуга с детьми является наиболее распространенным способом проявления заботы со стороны мужчин во всех трех странах: в норвежской выборке показатель достигает 77,8 %, во Франции 68,7 % респондентов указали на участие в совместном времяпрепровождении, и 64,5 % в России.

Таблица 3

Распределение респондентов по видам участия в заботе о детях, %

Страна/ категория ответа	Норвегия			Россия			Франция		
	на равных	обычно	всегда	на равных	обычно	всегда	на равных	обычно	всегда
одевание	49,3	3,0	0,4	20,8	2,1	1,8	24,3	1,9	0,5
укладывание спать	74,7	6,4	1,3	33,1	3,6	1,8	47,7	5,4	1,9
уход во время болезни	58,5	5,7	1,1	12,3	2,2	1,3	22,1	4,4	2,3
проведение свободного времени	77,8	10,2	1,1	64,5	3,1	1,8	68,7	8,8	1,7
помощь с домашними заданиями	39,5	5,2	0,8	23,7	4,1	1,9	26,6	6,2	1,8
сопровождение	37,2	7,1	1,8	22,2	4,0	3,2	38,5	6,4	3,4
N	1815			714			951		

Участие в различных рутинных, связанных с укладыванием спать, в отличие от предыдущего показателя, оказалось менее распространено, однако и здесь наблюдаются одно из самых высоких значений охвата респондентов: Россия — 33,1 %, Франция — 47,7 % и Норвегия — 74,7 %. Одевание детей привлекает еще меньшее количество отцов, возможно, в связи с тем, что этому навыку дети достаточно быстро научаются сами и не требуют контроля со стороны ни одного из родителей. Показатели, измеряющие уход за детьми в случае их болезни, демонстрируют наибольшие расхождения между странами: тогда как в России и во Франции именно в отношении данного показателя достигаются наименьшие из всех шести переменных значения (12,3 % и 22,1 % соответственно), в Норвегии такой тенденции не наблюдается (58,5 %). Поскольку именно в этой ситуации предполагается, что дети нуждаются в помощи других членов семьи (в отличие от, например, укладывания спать или одевания), то можно предположить, что именно этот вид деятельности в первых двух странах в большей степени выполняется партнерами респондентов (женщинами) или третьими лицами.

В условиях, когда оба родителя работают, вопрос об интенсивности участия в заботе превращается в вопрос о том, становится ли выполнение домашних и рабочих обязанностей двойным бременем для одного из партнеров (в данном случае, мужчины) или разделяется ими. Результаты показали, что ситуации, когда мужчина участвует в заботе более интенсивно, чем женщина, достаточно редки. Можно отметить, что различия между странами в этих категориях ответов не полностью укладываются в тенденцию, намеченную респондентами, которые делят обязанности с партнерами. Несмотря на то, что норвежские респонденты лидируют по всем видам заботы в категории «обычно Р», охват российских и французских респондентов в категории «всегда Р» выше. При этом различия между видами заботы в последней категории ответов для России невелики. Можно также отметить намечающуюся тенденцию, указывающую на то, что чем более распространены те или иные практики, тем выше уровень интенсивности участия. Так, например, проведение свободного времени с детьми охватывает наибольшее количество респондентов в категории «в равной степени РИП» и «всегда Р» в Норвегии и Франции. Во всех трех странах мужчины наименее интенсивно вовлечены в уход за ребенком во время болезни, как правило, требующий временного отсутствия на работе, а также в процесс одевания.

4.2. Факторы, определяющие вероятность участия в заботе

На основании теоретических обобщений предыдущих исследований и данных, доступных в рамках исследования «Поколение и гендер», был сформулирован ряд гипотез для ориентации аналитической стратегии данного исследования. Ожидалось, что уровень образования, присутствие в домохозяйстве нескольких детей, отсутствие других родственников, которые могли бы ухаживать за детьми, окажут позитивное влияние на вероятность вовлечения отцов в повседневную заботу. В то же время ожидалось, что такие факторы, как большая рабочая нагрузка, негибкость рабочих условий, а также традиционные нормативные установки в отношении родительства и гендерного распределения труда будут негативно влиять на зависимую переменную (табл. 4).

Модель 1

При рассмотрении результатов анализа остановимся на коэффициентах регрессии, которые оказались статистически значимы. Возраст оказался одним из наиболее противоречивых факторов. Влияние возраста на участие в заботе, скорее всего, носит нелинейный характер: чем старше респондент, тем меньше вероятность того, что с ним проживают дети, требующие заботы, которую он может делить с другими членами домохозяйства. Кроме того, он указывает на возможные изменения активности заботы на протяжении жизни респондента, отражает различия

Таблица 4

Результаты логистической регрессии (работающие мужчины с детьми и партнером)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	Норвегия	Россия	Франция	Норвегия	Россия	Франция
Возраст	-0,3*	-0,1	-0,2	-0,3*	-0,1	-0,2
Кол-во детей (ref. трое и больше)						
один ребенок	-1,7***	0,4	1,0**	-2,3***	0,3	1,0*
двое детей	-0,5	0,6**	0,9**	-1,0	0,8*	0,5
Род. поколение (ref. да)						
Нет	-17,3	0,3	-19,0	-17,4	0,2	-19,0
Тип поселения (ref. сельское)						
городское	0,02	-0,6***	-0,1	0,1	-0,8***	-0,1
Образование (ref. высшее)						
ниже среднего	-	-	-	-1,5**	-0,4	-0,5
среднее проф.	-	-	-	-1,2*	-0,4	-0,5
Доход (ref. высокие)						
Низкие	-	-	-	-0,96	-0,1	-0,03
средние	-	-	-	0,8*	-0,01	0,5
Условия работы (ref. гибкие)						
негибкие	-	-	-	-0,6	0,4	0,8**
Степень занятости (ref. полная)						
неполная	-	-	-	18,0	-0,4	-0,1
Родительские установки						
Гендерные установки	-	-	-	-	-	-
Constant	23,5	1,2*	21,8	25,0	1,6**	21,846
Nagelkerke R ²	6,8	3,7	5,0	15,2	7,5	7,6
N	1857	895	951	1617	657	749

Примечание: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001

в потребностях получения заботы детьми в зависимости от их возраста и развития навыков самообслуживания. Временной аспект заботы тесно связан с таким событием в жизни индивида, как рождение детей. Ряд повседневных практик, включенных с зависимую переменную, такие, как укладывание спать и одевание, наиболее активно востребованы в самые первые годы жизни. Сопровождение к месту обучения (школа, детский сад) и помощь в выполнении домашних заданий требуются более взрослым детям. Наряду с этим, уход при болезни и проведение свободного времени могут быть актуальны, хотя и с разной степенью интенсивности, в течение многих лет. Возраст может также быть косвенным отражением того, что чем старше дети, тем меньше традиционалистская идеализация материнства и больше возможностей для вовлечения отцов.

Руководствуясь этими представлениями, мы не стали ограничивать выборку возрастом респондентов, ожидая, что те, для кого участие в заботе о детях не актуально в силу их возраста и возраста детей, пропустят данный вопрос, в то же время ответы тех, для кого временные границы заботы не ограничиваются ранним возрастом детей, будут сохранены для анализа. Коэффициент оказался статистически значимым только для норвежской выборки и отношение между возрастом и вероятностью участия в заботе оказалось негативным — чем старше респондент, тем ниже вероятность, что он выполняет повседневные рутинные ухода за ребенком/детьми ($-0,3$).

Количество детей в домохозяйстве также оказалось значимым фактором в определении вероятности заботы, однако эффект проявился по-разному во всех странах. Поскольку референтной категорией для анализа было выбрано наибольшее количество детей (3 и более), коэффициенты указывают на различия между нею и остальными категориями ответов. Так, в Норвегии вероятность участия отцов с одним ребенком была ниже ($-1,7$), чем отцов с тремя детьми и более. Во Франции отношение между этими же категориями было противоположно ($1,0$). А в российской выборке, в семьях с двумя детьми вероятность участия отцов в заботе была больше, чем в многодетных ($0,6$). Объяснением данных различий может быть то, что в России и Франции, в силу специфики организации рынка труда, женщинам труднее сохранять рабочее место в результате нескольких перерывов в занятости, что в долгосрочной перспективе вынуждает их посвятить себя в большей степени заботе о детях, таким образом, не оставляя мужчинам возможности/необходимости принимать в ней участие. Возможно также, что переменные взаимозависимы: решение о рождении трех и более детей принимаются более традиционно-ориентированными парами, в которых забота и наемный труд не совмещаются, а делегируются одному из партнеров. Однако данное предположение требует последовательного сравнения с респондентами-женщинами, что выходит за рамки данного исследования.

Российские мужчины, проживающие в сельской местности, оказались с меньшей степенью вероятности вовлечены в практики заботы, чем те, кто проживают в городе ($-0,6$). Как в рассмотренном выше отношении между количеством детей и зависимой переменной, причиной данных различий может быть как более традиционный характер отношений между полами на селе, так и специфика организации рынка труда и возможностей для женской занятости, в том числе и ее гибкости на селе. Несмотря на то, что переменная, описывающая присутствие/отсутствие в домохозяйстве родителей респондента/партнера, оказалась статистически незначимой, можно предположить, что косвенно влияние внутрисемейных отношений отражено в переменной, указывающей тип проживания. Поскольку городская среда в меньшей степени, чем сельская, создает возможности для межпоколенческой и другой форм родственной солидарности, опора на внутрисемейные формы заботы оказывается меньше, чем в сельской местности, требуя от мужчин большей вовлеченности в ситуациях, когда на селе привлекались бы другие члены семьи женского пола.

Модель 2

Направление взаимосвязи между зависимой переменной и уровнем образования респондентов оказалось одинаковым для всех трех стран: чем ниже образование, тем меньше вероятность вовлечения мужчин в заботу. Однако только норвежские результаты являются статистически значимыми. Респонденты с низким и средним уровнем образования с меньшей вероятностью ($-1,5$ и $-1,2$ соответственно) участвуют в выполнении повседневного ухода за детьми, чем мужчины с высшим образованием. Примечательно, что также среди норвежцев-мужчин со средним доходом взаимосвязь с вероятностью участия положительна ($0,8$) по сравнению с теми, чьи доходы высоки. Этот показатель в дальнейшем перестает быть статистически значимым (см. Модель 3). Таким образом, участие в заботе оказывается практикой среднего класса, высококвалифицированных наемных работников, в то же время не распространяясь на среду более состоятельных людей, способных удовлетворить потребность в уходе посредством привлечения наемного труда.

В то время как степень занятости (полная/неполная) не оказала статистически значимого влияния на зависимую переменную, гибкость условий труда, наличие/отсутствие возможности изменять график работы в зависимости от семейных обстоятельств продемонстрировало устойчивую взаимосвязь с участием в заботе во Франции. Негибкие условия работы стимулируют респондентов в большей степени, чем гибкие, принимать участие в заботе ($0,8$). Этот результат, хотя и противоречит ожиданиям, указывает на необходимость различать виды ухода за

детьми, которые вписываются в рамки стандартных условий наемного труда, и теми, что требуют пересмотра ритма семейной жизни и работы. Можно также предположить, что отсутствие возможности изменять график с согласия работодателя не является препятствием для отцовской заботы.

Более подробное объяснение результатов, представленных в Модели 2, требует анализа соответствующих характеристик партнеров, а также того, как соотносятся образовательный и экономический статусы партнеров. Как указывается в литературе, соотношения статусов зачастую становятся значимым фактором в процессе формирования брачных союзов (*positive assortative mating*), они же могут оказать влияние на распределение ролей между ними в семейных практиках (см. напр., Soobedar 2011).

Модель 3

В заключительную модель были включены переменные, основанные на оценочных суждениях, касающихся родительства и гендерных отношений, однако только последние продемонстрировали значимую взаимосвязь с зависимой переменной в норвежской выборке. Результаты показали, что чем более традиционны гендерные установки респондентов, тем менее вероятность ($-0,5$), что они будут участвовать в заботе о детях. Указанный эффект ценностных ориентаций в Норвегии примечателен тем, что представления и практики в отношении распределения обязанностей мужчин и женщин не всегда соответствуют друг другу (см. напр. Кравченко, Мотеюнайте 2008) и установки на равноправие в семейной сфере зачастую сочетаются с неравноправными практиками.

В заключение следует отметить, что рассмотренные коэффициенты, за исключением доходов респондентов, сохранили характер взаимосвязи с зависимой переменной при их сохранении в каждой последующей модели. Нестандартизованные переменные не позволяют сравнивать эффект на зависимую переменную *между* ними. Можно, тем не менее, сделать заключение о различиях в объяснительных возможностях моделей для трех стран. Показатель объяснительной силы обобщенной модели (Модель 3) — Nagelkerke R^2 — достаточно высок для норвежской части исследования: 20,4 % колебаний значений зависимой переменной. Однако он не достигает подобных значений для остальных стран: Россия 8,2 % и Франция 8,9 %. Дальнейший сравнительный анализ может строиться не только на уровне характеристик партнеров респондентов, как указывалось выше, но и с привлечением многоуровневого моделирования, использованием показателей, характеризующих структуру и объемы регулирования приватной сферы посредством механизмов социальной политики.

5. Заключение

Вовлечение мужчин в заботу о детях еще не является гарантией достижения равного распределения обязанностей по воспитанию детей между родителями. Отцы могут увеличить свое участие в домашних заботах, не уменьшая при этом объема обязанностей, возлагаемых на женщину. В то же время проблема двойного бремени женщин может быть решена и без участия мужчин, например, за счет привлечения рыночных услуг или помощи других членов семьи. Тем не менее, понимание факторов, определяющих вероятность участия отцов в повседневном уходе и воспитании детей, может способствовать развитию мер, способствующих поддержанию этих практик, увеличению их охвата. В целом это увеличит возможности для полноценного участия отцов в развитии детей и установлении крепких эмоциональных связей, всего того, что, по словам Кей, обеспечит им место в самом «сердце семейной жизни» (Кей 2007: 135).

На протяжении десятилетий Норвегия, Россия и Франция переживают изменения в организации семейного уклада в силу глобальных и локальных изменений в демографическом, экономическом, культурном аспектах общественной организации. Государственную политику трех стран отличает ориентация на совмещение женщинами семейных и трудовых ролей кормильца и родителя. Несмотря на различия в уровнях и формах вмешательства в семейные отношения, указанные страны отличает закрепление за женщинами статуса кормильца наряду с их обязанностями по уходу за зависимыми членами семьи и выполнению работы по содержанию домохозяйства. Это выражается в формальных принципах организации рынка труда, социальной политики, системы социального страхования и официальной пропаганды. В то же время практики мужчин по совмещению/разделению ролей кормильца и отца не артикулируются так же формально и всесторонне. Именно поэтому данное исследование фокусировалось на том, какие индивидуальные факторы влияют на вероятность участия респондентов-мужчин в заботе о детях в условиях отсутствия внешней регламентации их повседневных обязанностей.

Исследование «Поколение и гендер» позволило не только очертить сферы возможного участия, но и выделить разные его категории (на равных с партнером или в большей степени, чем партнер). Результаты исследования, в первую очередь, показали, что различия в индивидуальных характеристиках детализируют образ отца, выделяя разные демографические, классовые и культурные группы. Мужское участие в заботе варьируется не только в зависимости от того, насколько те или иные формы заботы распространены, но и насколько интенсивно они практикуются. Как показал анализ распределения респондентов по видам ухода и степени участия, респонденты из норвежской выборки

в большей степени, чем российские и французские, выбирали участие в практиках заботы, и чаще наравне со своими партнерами. Необходимо отметить, что семейная политика Норвегии, формально предоставляя мужчинам возможность совмещать работу и воспитание детей наравне с женщинами, на практике не стимулирует использование этих возможностей (Eydal, Rostgaard 2011), а напротив, их затрудняет (Lappégard 2008). Возможно, что идеология социального равноправия, заложенная в основу общей модели социальной политики Норвегии, имеет непосредственное влияние на практики гендерного распределения труда, даже несмотря на то, что гендерное равноправие не диктуется семье извне. Об этом свидетельствует и тот факт, что именно в норвежской выборке нормативные установки в отношении гендерных ролей оказались статистически значимы при их включении в регрессионный анализ.

Для российской выборки показатели участия мужчин в заботе о детях оказались существенно ниже, чем в Норвегии, и вероятность этого участия в меньшей степени объясняется индивидуальными характеристиками респондентов. Исследования последних лет продемонстрировали существенные противоречия в современном российском гендерном контракте, которые описывают специфику организации оплачиваемого и неоплачиваемого труда. В частности, отмечается, что традиционализация идеологии и реализации государственной политики в ключевых сферах общества (Журженко 2004) не только ограничивает возможности женщин в общественной сфере, но и способствует исключению мужчин из семейной жизни (Ashwin, Lytkina 2004; Лыткина 2004). Ожидание пассивности мужчин в домашней сфере, с одной стороны, и успеха в работе, с другой, препятствует развитию культуры партнерских отношений (Здравомыслова 2002) и неразвитости совместных практик повседневной заботы о детях.

Во Франции низкий по сравнению с норвежским уровень охвата и интенсивности участия мужчин в заботе о детях, а также ограниченное влияние индивидуальных характеристик респондентов на вероятность этого участия может являться следствием не столько их второстепенной роли, сколько активного вовлечения внесемейных форм заботы. Несмотря на реализацию политики по защите прав работающих отцов, целевой группой французской семейной политики являются женщины (Gregory, Milner 2011). При этом существенным отличием от России является признание общественной ответственности за воспитание детей и широкий охват детей коллективными формами воспитания и заботы. Однако, в отличие от Норвегии, достижение равноправия, в том числе и гендерного, уступает главное место в ряду приоритетов цели повышения рождаемости. Тем самым легитимируется делегирование заботы о детях не только мужчинами, но и женщинами в пользу третьих лиц и организаций (Craig, Mullan 2011).

Как показали результаты, особенности проживания семей, размеры соотношения их доходов и условия работы (ср. Vandeweyer, Glogieux 2008), а также общие социально-демографические показатели, такие как уровень образования, возраст (ср. Craig, Sawrikar 2009), количество детей играют значимую роль при выборе стратегий совмещения работы и семейной жизни. Индивидуальные характеристики, однако, не во всех национальных контекстах оказывают одинаковое влияние. Дальнейшее совершенствование аналитических моделей и установление направления каузальных связей между переменными позволит более детально объяснить различия в уровне погруженности мужчин в заботу о детях и прольет дополнительный свет на обстоятельства, характерные для каждого пола в отдельности.

Литература

- Воронцова М.Г.* Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Градскова Ю.* Новая идеология семьи и ее особенности в России // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
- Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.
- Здравомыслова О.М.* Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под ред. М. Малышевой. Москва: Академия. 2002.
- Кравченко Ж., Мотейунайте А.* Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2.
- Льткина Т.С.* Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. Т. 9.
- Прокофьева Л., Валетас М.-Ф.* Отцы и их дети после развода // Население и общество. 2000. № 5.
- Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Ред. Малева Т.М., Синявская О.В. М.: НИИСП, 2007.
- Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / Ред. Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. М.: НИИСП, 2009.
- Amato P.R.* More than money? Men's contributions to their children's lives // Men in families: when do they get involved? What difference does it make? / Ed. by A. Booth, A.C. Crouter. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
- Ashwin S., Lytkina T.* Men in crisis in Russia: the role of domestic marginalization // Gender and society. 2004. Vol. 18. No 2.
- Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization: institutionalized individualism and its social and political consequences. London; Thousand Oaks, Calif.: SAGE, 2001.
- Breton D., Prioux F.* The one-child family: France in the European context // Demographic Research. 2009. Vol. 20. No 27.
- Brunborg H., Slagsvold B., Lappegård T.* LOGG 2007 — en stor undersøkelse om livsløp, generasjon og kjønn // Samfunnsspeile. 2009. Vol. 1.

Craig L., Mullan K. How mothers and fathers share childcare. A cross-national time-use comparison // *American sociological review*. 2011. Vol. 76. No 6.

Craig L., Sawrikar P. Work and family: how does the (gender) balance change as children grow? // *Gender, work and organization*. 2009. Vol. 16. No 6.

Craig L. Does father care mean fathers share?: a comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children // *Gender and society*. 2006. Vol. 20. No 2.

Crompton R. (ed.) *Restructuring gender relations and employment: the decline of the male breadwinner*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Davis C. Competence versus care? Gender and caring work revisited // *Acta sociologica*. 1995. Vol. 38. No 1.

Daly K.J. Spending time with the kids: meanings of family time for fathers // *Family relations*. 1996. Vol. 45.

Daly M. Changing family life in Europe: significance for state and society // *European societies*. 2005. Vol. 7. No 3.

Day R.D., Lamb M.E. *Conceptualizing and measuring father involvement*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.

Du Bois-Reymond M. Negotiation strategies in modern families: what does it mean for global citizenship? // *The family: contemporary perspectives and challenges* / Ed. by K. Matthijs, A. Van den Troost. Leuven: Leuven University Press, 1998.

Eydal G.B., Rostgaard T. Gender equality revisited — changes in Nordic childcare policies in the 2000s // *Social policy and administration*. 2011. Vol. 45. No 2.

Fox B. When the baby comes home: the dynamics of gender in the making of family // *Family patterns. Gender relations* / Ed. by B. Fox. Toronto: Oxford University Press, 2009.

Fox B. The formative years: how parenthood creates gender // *Gender and Society*. 2001. Vol. 38. No 4.

Graham H. The concept of caring in feminist research: the case of domestic service // *Sociology*. 1991. Vol. 25. No 1.

Graham H. Caring, a labour of love // *Labour of love: women, work and caring* / Ed. by J. Finch, D. Groves. London: Routledge, 1983.

Gregory A., Milner S. What is “new” about fatherhood?: The social construction of fatherhood in France and the UK // *Men and masculinities*. 2011. Vol. 14. No 5.

Hartman H. Capitalism, patriarchy, and job segregation by sex // *Signs*. 1976. Vol. 1. No 3.

Hearn J. Men, fatherhood and the state: national and transitional perspectives // *Making men into fathers: men, masculinities and the social politics of fatherhood* / Ed. B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Hearn J., Pringle K. Men, masculinities and children: some European perspectives // *Critical social policy*. 2006. Vol. 26. No 2. Pp. 365–389.

Hobson B. No exit, no voice: women’s economic dependency and the welfare state // *Acta sociologica*. 1990. Vol. 33.

Kay R. In our society it’s as if the man is just some kind of stud: Men’s experiences of fatherhood and father’s rights in contemporary Russia // *Gender, equality and difference during and after state socialism* / Ed. R. Kay. Basingstoke; New York : Palgrave Macmillan, 2007.

Kelly C. Ordinary life in extraordinary times: chronicles of the quotidian in Russia and the Soviet Union // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. 2002. Vol. 3. No 4.

Lappégard T. Changing the gender balance in caring: fatherhood and the division of parentla leave in Norway // Population research and policy review. 2008. Vol. 27. No 2.

Lewis J. Gender and welfare state change // European societies. 2003. Vol. 4. No 4.

Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // Journal of European social policy. 1992. Vol. 2. No 3.

Marsiglio W. Paternal engagement activities with minor children // Journal of marriage and family. 1991. Vol. 53. No 4.

Marsiglio W., Amato P.R., Day R.D., Lamb M.E. Scholarship on fatherhood in the 1990s and beyond // Journal of marriage and family. 2000. Vol. 62. No 4.

Men, gender divisions and welfare / Ed. by Hearn J., Edwards J., Popay J. London: Routledge, 1998.

Orloff A.S. Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of gender relations and welfare states // American sociological review. 1993. Vol. 58.

Palkovitz R. Reconstructing involvement: expanding conceptualizations of men's caring in contemporary families // Generative fathering: beyond deficit perspectives / Ed. by H. A.J., D.C. Dollahite. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Pfau-Effinger B. Welfare and families in Europe // International journal of social welfare. 2007. Vol. 16. No 1.

Pfau-Effinger B. Welfare state policies and the development of care arrangements // European societies. 2005. Vol. 7. No 2.

Sainsbury D. Gendering welfare states. London: Sage, 1994.

Sainsbury D. Gender, equality and welfare states. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Sayer L.C., Gauthier A.H., Furstenberg F.F. Jr. Educational differences in parents' time with children: cross-national variations // Journal of marriage and family. 2004. Vol. 66. No 5.

Shevchenko O. Crisis and the everyday in postsocialist Moscow. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2009.

Soobedar Z. A semiparametric analysis of the rising breadwinner role of women in the UK // Review of economics of the household. 2011. Vol. 9. No 3.

Spielauer M. The Contextual Database of the Generations and Gender Programme // MPIDR Working Paper. Vol. 30. 2006. [http://www.demogr.mpg.de/en/projects_publications/publications_1904/mpidr_working_papers/the_contextual_database_of_the_generations_and_gender_program_2395.htm].

Thomas C. De-constructing concepts of care // Sociology. 1993. Vol. 27. No 4.

Vandeweyer J., Glorieux I. Men taking up career leave: an opportunity for better work and family life balance? // Journal of social policy. 2008. Vol. 37. No 2.

Vikat A., et al. Generations and Gender Survey: Towards a better understanding of relationships and processes in the life course // Demographic Research. 2007. Vol. 17.